

Но почти сразу же его охватил стыд — и не из-за чего иного, как из-за собственных мыслей. Покинув утром водный павильон, он на мгновение задумался: почему отношения между князем Сяо и вторым господином столь близки? И в этих размышлениях ненароком замелькали намёки на нечто пикантное, на ветреные шалости. В конце концов, разве не весь свет знает, что второй господин Лю обладает красотой неземной? И пусть он мужчина, но разве в летописях — и официальных, и не очень — мало историй о подобном? Ничего удивительного.

Теперь же он узрел подлинное умение своего второго господина. Его врачебное искусство оказалось на уровне старшего брата, а может, и не уступало самому главе поместья. Обладая таким поразительным мастерством, он никогда не кичился им, не гнался за славой. Какое уж тут «безумие» или «помешательство»? Это был истинный отшельник, мудрец, живущий вне мирской суеты.

Теперь становилось ясно, почему князь Сяо ценил его дружбу. А он, Лю Хэнчан, оказался столь мелок, что судил лишь по оболочке. От стыда у него выступил холодный пот, и он смахнул его со лба.

Лю Сюаньань медленно водил кистью по бумаге, широкий рукав был засучен, обнажая тонкое, белое запястье.

Лян Шу слегка приподнял бровь.

Запястье было белоснежным, будто выточенным из инея.

Примечание автора:

А-Чан: «Какой же князь Сяо глубокий человек!»

Сам князь Сяо: «Рука какая белая...»

Проведя в водном павильоне два дня, Лю Хэнчан едва-едва разобрался в той толстой стопке диагнозов и рецептов, что написал Лю Сюаньань. И даже это далось ему с великим трудом. Теперь в его глазах второй господин и вовсе вознёсся до ранга божественного целителя-отшельника. «Как может существовать столь возвышенный человек? — размышлял он про себя. — Натура свободная, не скованная условностями, чуждая мирской суеты... и при этом связанный узами сокровенной, высокой дружбы с верховным полководцем всей империи».

Он решил, что князь Сяо, без сомнения, тоже глубоко ценил господина, иначе зачем бы он проводил целые дни в этом павильоне, сидя с закрытыми глазами, вслушиваясь в звуки природы, с лицом безмятежным и умиротворённым? Разве это не было воплощением легенды о Бо Я и Чжун Цыци, где «каждую исполненную мелодию друг постигал до самой сути»? А-Чан усмотрел в этом отзвуки дружбы родственных душ, разбросанных судьбой, и был искренне тронут.

При содействии Лю Хэнчана и главы поместья Лю план продвигался гладко. Сначала люди просто заметили, что А-Чан внезапно исчез, причём не как посланный по срочному делу — после него осталась куча недоделанной работы. Все бросились расспрашивать двоюродного брата, но ответы были уклончивыми и смутными. А в этом мире ничего так не разжигает любопытство, как тайна. Чем больше скрывают — тем больше роятся. И вскоре поползли слухи: мол, А-Чан все эти годы, закупая лекарства, наживался на тёмных делишках, а теперь, с историей о чёрных уцзао, всё вскрылось, и его выгнали.

Все сокрушались: с виду такой старательный парень, как же он мог быть столь близоруким?

Но посокрушались — и хватит. Дела не ждали, пациенты со всех концов света всё так же толпились у ворот, ожидая приёма. Для учеников Поместья Белого Журавля даже жизнь и смерть были лишь мимолётным дымком, что уж говорить о чьём-то уходе.

С котомкой за плечами, верхом на лошади, Лю Хэнчан в одиночестве покинул город Белого Журавля.

Вдали клубились чёрные тучи, будто таящие в себе громовые раскаты.

...

Если отпуск А-Чана дался относительно легко, то решение князя Сяо забрать с собой ещё и второго сына вызвало у главы поместья Лю куда больше сомнений. Госпожа Лю тоже была против. Сначала они хотели, чтобы сын больше двигался, но в этот раз он чуть не погиб от рук бандитов. Как после такого родителям оставаться спокойными?

Да ещё и в Королевский город, путь неблизкий. А там, чего доброго, снова встретится с принцессой. Госпожа Лю была полна тревог: «Характер Сюаньаня нам известен. Если принцесса изъявит желание выйти за него, он, наверное, буркнет: „Можно“. Но разве он создан для роли зятя? При дворе столько правил и церемоний, кто же позволит ему валяться целыми днями?»

Да и глава поместья Лю недоумевал: весь свет знает, как князь Сяо загружен военными делами, ему не до праздных путешествий. А его сын, если уж на то пошло, и для праздных путешествий-то, пожалуй, потребует паланкин. Так зачем же настойчиво тащить его с собой?

Промучившись этим вопросом добрую половину дня, супруги так и не нашли причины, но пришли к решению: в Королевский город ехать не стоит.

Тогда госпожа Лю сама отправилась в водный павильон, чтобы научить сына притвориться больным. Но, переступив порог, увидела на столе несколько чертежей карет, и каждая была роскошнее предыдущей. А-Нин же, склонившись над столом, с усердием составлял список вещей — такой длинный, будто собирался перевезти из павильона всё до последней щепки.

Лю Сюаньань держал во рту прохладительную конфетку. В последние дни он много говорил с А-Чаном, и горло снова запершило. Но для госпожи Лю эта картина — сын, развалясь на кровати и жующий сладость, — была верхом ленивости. Сердце её сжалось от тоски. Она села на край ложа, взяла руку своего непутевого чада и сказала: «Надо было тебе пораньше невесту сосватать».

«Можно», — ответил Лю Сюаньань.

Госпожа Лю фыркнула: «Любую можно?»

«Любую можно», — подтвердил он, перекатывая языком во рту косточку от умэ.

Лян Шу замер у входа в павильон.

«Если хочешь жениться, надо бы расторопнее быть, а то только жизнь девушке испортишь», — сказала госпожа Лю и велела А-Ниню подложить подушку ему под поясницу.

«Я не хочу жениться, — объяснил Лю Сюаньань. — Я могу жениться. Но не хочу».

Госпожа Лю пропустила мимо ушей эту бестолковую тарабарщину и продолжила: «А после женитьбы как? Так же и будешь валяться?»

«Можно вместе валяться», — ответил он.

Госпожа Лю представила эту картину, и у неё чуть не взорвалась голова. Честно говоря, она пришла не с пустыми руками — у неё на примете было несколько хороших партий, которые хотелось обсудить с сыном. Ранний брак — и не придётся волноваться, что его кто-то ещё присмотрит. Второй господин Лю хоть и славился на весь свет своей ленью, но красота его была неземной, характер, хоть и странный, не был порочным, да и Поместье Белого Журавля за спиной стояло. Так что немало знатных семей готовы были отдать за него своих дочерей.

Но теперь госпожа Лю решила, что лучше оставить эту затею. Если уж она сама не смогла его обуздать, чего ждать от невестки? Вместо счастливого брака получится одна вражда. И она спросила: «С какой стати князь Сяо хочет взять тебя с собой в Королевский город?»

«Да ни с какой, — ответил Лю Сюаньань. — Просто в последние дни голова часто болела, а с князем как-то полегче».

Госпожа Лю шлёпнула его по руке: «Вздор! Если голова болела, почему отцу не сказал? Князь разве лекарь, чтобы тебя лечить?»

Лю Сюаньань приподнялся было, чтобы объяснить, но мысль о том, что придётся снова «раскрывать» в голове тот огромный, свёрнутый мир и переводить его на язык, понятный обычным людям, показалась ему невыносимо утомительной. Совершенно лишние хлопоты. И он снова откинулся на подушки, буркнув: «Угу».

«И как же князь тебя лечил?» — не отставала госпожа Лю.

«Заставлял много говорить».

Подобный метод лечения показался бы абсурдным любому здравомыслящему человеку, а уж госпожа Лю и подавно не поверила, решив, что сын снова ленится говорить и несёт окопесу. Лю Сюаньань и не думал оправдываться — он и вправду ленился. Он натянул одеяло на голову и с видом полной правоты притворился спящим. Этот приём он часто использовал в детстве, и он всё ещё действовал. Госпожа Лю не знала, смеяться ей или сердиться: «И сколько тебе лет-то? Отец увидит — опять получишь!»

Второй господин Лю подумал, что это ещё один веский довод в пользу поездки в Королевский город.

Госпожа Лю долго уговаривала сына, но так и не сдвинула его с места, зато наслушалась всякой бессвязной чепухи. Она уже собиралась продолжить, но А-Нин тихо предупредил: «Госпожа, князь идёт».

Лян Шу переступил порог внутреннего дворика. Госпожа Лю поспешила подняться и поклониться, бросив взгляд на своего лежачего отпрыска. От одной мысли о том, с какими манерами он явится ко двору, у неё защемило в груди. Она решила обратиться к князю напрямую: «Ваше Высочество, я умоляю оставить сына в поместье». Чтобы просьба звучала убедительнее, она даже придумала ему занятие: «Моему старшему сыну как раз не хватает помощников, так что младший мог бы отправиться к нему».

Лян Шу ещё не успел ответить, как Лю Сюаньань, едва услышав эти слова, почувствовал

приступ головной боли. И причина была проста: старший брат, Лю Сюаньчэ, был невероятно серьёзен и строг. Улыбка на его лице была редчайшим явлением. Стоял он подобно каменной статуе будды, и вся его суть была проникнута чувством долга по спасению всех живых существ. Лян Шу считал, что Лю Сюаньчэ в любой момент может вознестись и стать бессмертным, но в глазах прочего народа Великой Янь настоящим «бессмертным» из Поместья Белого Журавля был именно Лю Сюаньчэ. Его почитали и боготворили, а самые нелепые слухи гласили, что даже стул, к которому он прикоснулся, обретал целительную силу.

<http://bllate.org/book/16268/1464302>